

лены в хронологическом порядке и снабжены надлежащими аннотациями. Кроме того, в качестве приложения мы публикуем маргиналии Вольтера и Фридриха на страницах «Рассуждения о причинах установления или уничтожения законов» в третьем томе «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» (S.I.1750). Предваряет настоящее издание краткий биографический очерк.

Главными помощниками в работе, кроме сочинений и переписки самого Фридриха Великого, нам послужили труды трех немецких исследователей. Во-первых, Иоганна Давида Эрдмана Прейсса – (Preuss; 1785-1868), бранденбургского историкографа с 1841 года, биографа короля и составителя монументального 30-томного собрания его сочинений, а также автора книги «Фридрих Великий как писатель» 1837 года; причем мы пользовались личным экземпляром короля Фридриха Вильгельма III (1770-1840), находящимся в хранилище РГБ в подмосковных Химках. Нам оказали помощь статьи историка и библиографа Ганса Дройзена (Droysen; 1851-1921), посвященные книгам Фридриха Великого и его дворцовой типографии. И, наконец, работы хранителя императорских библиотек Богдана Кригера (Krieger; 1861-1931), особенно составленный им Gesamtkatalog дворцовых библиотек короля.

Также хочется выразить благодарность Е. В. Дружининой, А. А. Соболеву и сотрудникам Музея Книги РГБ за помощь в подготовке настоящего издания.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Биография короля Фридриха разработана довольно полно и литература по этому вопросу огромна (хотя и достаточно тенденциозна). Особенно это касается его военных кампаний, которым посвящена не одна сотня объемных томов; также достаточно хорошо освещены его отношения с Вольтером. Наименее же изученным моментом является интимная жизнь короля, сведения о которой, несмотря на однозначную характеристику, крайне скудны. Этот очерк мы помещаем ввиду необходимости, и он скорее напоминает биографическую канву персонажа, которому посвящено настоящее издание.

Фридрих II Великий родился 24 января 1712 года в Берлине. Он был третьим сыном прусского короля Фридриха Вильгельма I и Софии Доротеи Ганноверской, сестры английского короля Георга. Два старших брата Фридриха умерли в детстве, вследствие чего Фридрих стал наследным принцем.

Отец наследного принца – король Фридрих Вильгельм I – был личностью неоднозначной: с одной стороны, он был наделен недюжинными государственными способностями, и именно ему Пруссия обязана необыкновенным возвышением своего военно-политического могущества в Европе; с другой же стороны, он был почти полностью лишен тяги к искусствам и гуманитарному знанию (что, впрочем, для государственного деятеля и не является большим изъяном). При нем прусская армия стала одной из могущественнейших в Европе, насчитывая до 80 тысяч человек и славясь своими великанами. Именно с именем Фридриха Вильгельма I в историю входит идеология «пруссачества», которая покоится на отеческой (хотя зачастую и суровой) заботе короля о собственном народе: он ввел обязательное начальное образование, в 1719 году упразднил крепостное право, а также путем введения жестких запретов на ввоз многих импортных товаров поддерживал развитие прусского производства. Кроме того, после его смерти в казне оказалась огромная сумма в девять миллионов талеров.

Что касается принца Фридриха, то он разительно отличался от своего отца, причем даже внешне: отец был невысок ростом и крепок («неладно скроен, но крепко сшит»), а наследный принц был стройным и красивым. На первый взгляд все в сыне было наперекор отцу: он был галломаном, ценителем и поклонником французской литературы; любил и сочинял музыку, сам играл на флейте и hammeredclavire; писал стихи и философские трактаты. Этот просвещенческий набор вряд ли радовал отца, хотя изучение Фридрихом военного дела слегка сглаживало отцовское недовольство.

А вот в чем отец с сыном оказались схожи – так это в рачительном отношении к деньгам, которое периодически и у одного, и у другого перерастало из экономии в неудержимую жадность.

И все бы это Фридрих Вильгельм в своем сыне мог перетерпеть, если бы не еще одно обстоятельство – полное неприятие наследным принцем женского пола. А поскольку Фридрих-Вильгельм был ревностным протестантом, то такую вольность нравов в собственной семье он терпеть не мог; да к тому же отца беспокоил вопрос о судьбе престола. Но никакие ссоры и разбирательства не могли отвести наследного принца от пагубной страсти к пажам и дежурным офицерам, захлестнувшей его примерно с шестнадцатилетнего возраста. Это впоследствии сказалось на его здоровье – он, как писал Вольтер, «сильно пострадал от мимолетных любовных связей и был плохо вылечен» и, даже если бы захотел, уже не смог бы иметь детей.

Понятно, что отец был крайне суров с сыном, и наследного принца не жаловал. Их отношения прекрасно иллюстрируют события 1730 года, когда наследный принц, путешествуя с отцом по юго-западным германским землям, предпринял попытку сбежать в Англию. Принцу помогали еще три заговорщика – королевский паж Петер фон Кейт, его брат, а также гвардейский офицер Ганс Герман фон Катте. Планы беглецов стали известны, и король решил воспользоваться этой ситуацией чтобы сломить сына: беглецы были обвинены в попытке государственной измены; Фридрих был заключен в крепость Кюстрин, а фон Катте 5 ноября 1730 года по приговору короля был казнен у кронпринца на глазах. Наследный принц шесть недель просидел в крепости, а затем два года жил в самом городе Кюстрин без права выезда. Ко всему прочему король отобрал у сына его полк, распустив штат наследного принца (при этом наказав многих), забрал экипажи и обстановку.

Фридрих оказался в безвыходном положении и вынужден был смириться с волей отца. Во время жизни в Кюстрине принц приобрел много знаний в области сельского хозяйства, экономики и государственного управления, хотя своим привязанностям он также уделял достаточно времени. В 1732 году принц вновь получил в свое управление полк, а 12 июня 1733 году по повелению отца был обвенчан с Брауншвейгской принцессой Елисаветой-Кристиной. Брак этот, конечно же, оказался бесплодным, да и в течение всей жизни супруги едва знали друг друга, практически не видясь.

В том же году наследный принц принял участие в первом настоящем военном походе: он сопровождал возглавляемый отцом прусский десяти тысячный корпус, отправившийся к армии Евгения Савойского. И хотя Фридрих имел лишь право бессловесно присутствовать на советах, обстановка походной армейской жизни поразила его сердце: его воображение помогло ему увлечься романтикой войны — жизнью между опасностью, смертью и венцом победителя. Именно тогда проявилась яркая эмоциональная составляющая характера наследного принца, часто мешавшая ему в будущем, но одновременно превратившая его из обычного прусского короля в выдающегося европейского монарха XVIII столетия.

И хотя для Австрии, за которую вступилась союзная Пруссия, война, закончившаяся миром, не была удачной, для Фридриха это была скорее победа, поскольку именно тогда родился Фридрих-полководец.

В 1733 году Фридрих Вильгельм передал женившемуся кронпринцу во владение замок Рейнсберг, куда Фридрих с супругой переехали в 1736 году. Жизнь в этом дворце полностью переменяла жизнь наследного принца, который теперь смог полностью отдаться излюбленным занятиям — чтению французских классиков (или же античных авторов во французских переводах), а также изучению философии, упражнению в стихосложении и увлечению театром. Он тогда

мечтал более о славе писателя, нежели о власти монарха. Именно к 1736 году относится начало отношений наследного принца с Вольтером: 8 августа 1736 года принц по совету своего библиотекаря и ближайшего друга Жордана написал панегирическое письмо, которое подписал словами «ваш любящий друг». А 26 числа того же месяца Вольтер отвечал принцу из Парижа, превознося философские склонности своего порфиринозного корреспондента. В те же годы Фридрих начал переписку с Фонтенелем, Мопертюи и Ролленом.

Сюжет «Фридрих и Вольтер», или же, если угодно, «Вольтер и Фридрих» всегда заслуженно считался чрезвычайно интересным и рассмотрен в литературе многократно, хотя круг источников по этому вопросу достаточно ограничен и давно предан печати. Многолетняя дружба, демонстрируя попеременно различные стороны неординарных характеров этих выдающихся личностей, лишь в редкие моменты была ровной; в остальное же время она переживала, подобно любым другим человеческим отношениям, и медовые времена, и моменты крайней недоброежелательности. Некоторая пренебрежительность к Фридриху, которая зачастую сквозит в исследованиях взаимоотношений этих двух великих, происходит из «Мемуаров» Вольтера, которые были написаны им с пролитием немалого количества желчи в пору большого охлаждения дружбы с королем; впрочем, Вольтер их после предал огню, но, увы, с них уже был сделан список.

«Принц, мало королей, которые поучаются у муз, мало королей, просвещающих руководимые ими народы. Только двое-трое из них — чудеса природы — заслужили славу философов, все остальные — как вы знаете — это короли самого пошлого толка, рабы наслаждений, гордые угнетатели законов, обуза природы, бичи земли, которые или спят на троне, или же мечут громами», — писал Вольтер в 1736 году в своей эпистоле «Наследному принцу прусскому о пользе знаний для государя». Совершенно ясно, какое место в системе

природы было уготовано Вольтером будущему королю Фридриху; и это лишь малая часть бушующего потока лести, излившегося на наследного принца, который, в свою очередь, также находил достойные ответы. «Он называл меня божественным человеком; я называл его Соломоном. Эпитеты нам ничего не стоили»,— писал Вольтер в «Мемуарах».

Этой дружбе Фридрих был обязан, прежде всего, как писатель, имеющий скромный талант, но приобретший в лице Вольтера выдающегося учителя и умелого редактора, вклад которого в некоторые произведения более правдиво назвать соавторством. Именно с помощью этого великого пера был написан первый капитальный литературный труд будущего короля, сделавший его королем-писателем; речь идет о книге «Анти-Макиавелли или испытание Государя», направленное против произведения Никколо Макиавелли. Это произведение, написанное принцем накануне восшествия на прусский престол, поразило даже выдавших виды читателей благородством идей, чистотой стремлений и подлинным гуманизмом.

Когда Фридрих 31 мая 1740 года взошел на престол, книга уже находилась в типографии (подробности можно усмотреть в соответствующем разделе нашей работы). Фридрих, конечно, был крайне недоволен, поскольку в бытность наследником он имел право на вольнодумство и философствование, но, получив в управление страну, он решил не рисковать, а идти по проторенному отцом пути.

Вообще, король имел в крови способность говорить и писать одно, а делать — совершенно обратное, а также добиваться своей цели, не разбирая средств. Быть может, его характер так изменило противоборство с отцом, но именно таким мы часто видим Фридриха-короля. И в истории с этой книгой было то же самое: Фридрих стал управлять страной, именно пользуясь наставлениями своего недавнего оппонента. Все юношеские устремления Фридриха очень быстро

угасают, и мечты о всеобщей свободе и справедливости уступают место твердой руке прусского государя.

Хотя король по восшествии на престол и отменил пытки, а также несколько облегчил налоговое бремя, он все равно пошел по пути отца. Конечно он открыто этого не заявлял, предпочитая именоваться «философом на троне», тем не менее, предпочел оставить при прежних должностях почти всех отцовских генералов и министров. А друзья кронпринца, которые рассчитывали на традиционные в таких случаях денежные и земельные награждения, ошиблись — король по своей бережливости не знал равных.

Вступив на трон, король перенял от отца управление рационально устроенным государством с одной из лучших армий в Европе, с полной казной и со стремлением стать европейской державой. И король в один миг все множество своих занятий — стихотворство, музицирование и даже государственные дела — перевел в разряд увлечений и необходимостей, подчинив себя мечте стать великим полководцем. Все, что раньше манило его взор, ушло на второй план по сравнению с этой мечтой.

Удивительно, но сравнение Фридриха Великого с богом войны Марсом, столь часто упоминаемое при жизни сего полководца, является очень уместным и даже правдивым. Это особенно очевидно, если вспомнить о качествах этого нелюбимого сына Юпитера. Он кровожаден, затевает повсюду раздоры и радуется, когда льется кровь. И, что опять же напоминает короля, Марсу не всегда сопутствовала победа.

Поскольку природа лишила Фридриха возможности иметь собственную семью, то семьей для него стала его армия, которая, по сути, была даже не прусской армией, а именно армией Фридриха; он так и называл солдат — дети. Но, как и ко всем близким людям, Фридрих был очень строг к солдатам: служба была тяжела, дисциплина очень сурова; но солдаты все-таки преклонялись перед своим военачальником.

И, имея в своем распоряжении отличную армию, Фридриху не терпелось совершить какой-нибудь триумфальный поход. Возможность представилась в том же 1740 году: 26 октября умирает император Священной Римской империи Карл VI Габсбург, на престол вступает его дочь Мария-Терезия. Поскольку этот престол мог наследовать только мужчина, то еще при жизни император издал Прагматическую санкцию, тогда же де-юре признанную многими монархами. Но обещания, данные отцу Марии-Терезии, оказались лишь росчерками пера, и императрица с самого начала царствования постоянно доказывала оружием свое право на престол.

Фридрих решил, что это замешательство является прекрасным поводом к войне, и целью его стала богатейшая часть империи – Силезия, к тому же Пруссия имела юридические основания претендовать на эти земли. 14 декабря 1740 года армия Фридриха в районе пограничного городка Кроммен вступила на землю Священной Римской империи. Войска продвигались быстро и почти беспрепятственно, и к концу января 1741 года вся Силезия, за исключением трех крепостей, была в руках Фридриха. Эффект неожиданности вероятно помог королю, потому что в возможность такой войны никто не верил, да и не было подозрений, что жажда славы и денег настолько быстро сумеет пленить молодого монарха. Но это произошло, и так Фридрих начал войну за Австрийское наследство.

Хотя в первой битве – при Мольвице 10 апреля 1741 года – Фридрих себя не проявил, но в сражении при Хотузице 17 мая 1742 года он отразил нападение австрийцев. Именно уверенные действия прусской армии побудили Марию-Терезию все-таки уступить Фридриху Силезию, дабы не допустить объединения французских и прусских сил.

Летом 1744 года Фридрих опять взялся за оружие: прусские войска вторглись в Саксонию, захватили Прагу и даже вступили в Южную Богемию. Однако оборонявшиеся силы

отказывались принять решительное сражение, отступая и маневрируя, что, в конечном итоге, привело к поражению прусской армии. Фридрих возвращался в Силезию, потеряв весь провиантский обоз и тяжелую артиллерию. Прага была оставлена, отступавшая армия едва не развалилась, поскольку солдаты дезертировали толпами. После этого случая Фридрих уже старался никогда больше не вторгаться столь глубоко на территорию неприятеля.

В следующем, 1745 году, король решил победоносным сражением стереть память о неудачах прошлого года. Решающее сражение произошло 4 июля 1745 года при Гогенфридберге: победа была блестящей, и обуславливалась она, прежде всего, действиями венценосного главнокомандующего. И стратегия, и тщательная подготовка, и решительность – все было безукоризненно. И именно начиная с этой славной победы по-настоящему начала слагаться репутация Фридриха-полководца. Еще более удивительной и, в то же время, убедительной была победа Фридриха 30 сентября 1745 года при Сооре, когда он с 22 000 поборог австро-саксонскую армию в 30 000 человек. В результате военных действий прусской армии венский двор был вынужден окончательно уступить Фридриху Силезию, что было позднее подтверждено условиями Аахенского мира 1748 года.

Изменив в Силезии в 1741 году порядок управления, Фридрих стал получать оттуда значительные доходы, что собственнo заложило экономическую базу для будущей Семилетней войны. Пруссия в это время переживает подъем во всех областях: развиваются мануфактуры, идет бурное дворцовое и городское строительство, возобновляется работа Берлинской академии наук, проводятся великолепные придворные балы и праздники. На подмостках нового Берлинского оперного театра выступают лучшие артисты. Тогда же Фридрих некоторое время благоволил к танцовщице, выступавшей в этом

театре,— итальянке Барбарини, и даже приглашал ее на традиционно мужские королевские ужины.

Одновременно король медленно ужесточал правила для своих сограждан — запретил выезжать за границу, за исключением совершающих торговые операции или лечение. И это, в свою очередь, тоже преследовало цель не допустить отток из страны денежных средств. Также именно в эти годы король совершенно перестает читать газеты, потому как агентурная шпионская система информировала его намного быстрее.

Как раз с событиями 1745 года, когда король окончательно узаконил свой захват Силезии, связано прибавление к его имени титула Великий. В этот период, как кажется, амбиции короля несколько успокоились, достигнув столь желанной славы полководца. Именно умиротворенностью короля объясняется то, что с 1745 года и по 1756 год Пруссия не ведет военных действий, а Фридрих занимается исключительно внутренними делами королевства.

Во время этого мирного затишья мы коснемся сюжета «Фридрих и Вольтер».

Их переписка, начавшаяся в 1736 году, продолжалась и была сверх меры наполнена взаимными дифирамбами. И, несмотря на это, в представлении Вольтера в те годы, по крайней мере, до разрыва, рисовалось два изображения прусского короля: с одной стороны Вольтер, будучи увлекающейся натурой, наделял своего царственного корреспондента чертами идеального просвещенного монарха, оплота справедливости, короля-философа и друга философов. С другой стороны, Вольтер, особенно после коронации Фридриха, видел за этим мифологизированным Соломоном Севера обычного германского курфюрста, преследующего только свои корыстные интересы, которому не были чужды никакие из отрицательных качеств. Быть может, это прозаично, но король Фридрих Великий в действительности был обычным

человеком, и чем ближе приближаешься к нему, тем это очевиднее.

И здесь Вольтер был вполне достоин своего царственного друга! Оставленные им мемуары опрокидывают немало грязи на Фридриха, который, кстати, имел массу поводов включить порядочное число столь же желчных строк в свои воспоминания, но не сделал этого (хотя и был знаком с мемуарами Вольтера). Это все равно удивительно, поскольку не каждый смог бы промолчать.

Что касается Вольтера, то он был не меньше заинтересован в этой дружбе, причем столь же корыстно. И как результат — взаимное разочарование, которое сменило пылкую философскую дружбу неподдельной ненавистью.

Первая их встреча произошла в сентябре 1740 года в Клеве, затем Вольтер гостил у Фридриха в августе—октябре 1743 года в Берлине, но по сравнению с пребыванием Вольтера в Потсдаме в 1750-1753 годах, эти встречи лишь носили характер знакомства и некоторой разведки. Обстановку личных встреч не улучшало то обстоятельство, что Вольтер выполнял тайную задачу Французского кабинета, настойчиво пытавшегося узнать политические планы прусского короля. Вполне естественно, что Фридрих, обладавший одной из лучших разведывательных сетей в Европе, об этом был заблаговременно уведомлен. Он также решил несколько проучить философа, передав французам едкие эпиграммы Вольтера на версальский двор. Взаимная заинтересованность скрепляла их дружбу, хотя откровенности между ними изначально не получилось.

Шаткое положение Вольтера при версальском дворе послужило поводом к приглашению его ко двору Фридриха, которое официально было сделано королем 7 декабря 1744 года. Но этому активно воспротивилась покровительница писателя маркиза дю Шатле, да и сам Вольтер решил попробовать поправить свое положение при версальском дворе,

что ему отчасти удалось: в 1745 году он занял место придворного историографа, а в 1746 году был избран членом Французской академии. Но эти почетные звания, увы, не смогли повлиять на подчеркнуто холодное отношение к нему Людовика XV.

Одновременно Вольтер вел переговоры с Фридрихом, которые продолжались почти пять лет. Затянувшуюся ситуацию решила смерть в 1749 году маркизы дю Шатле. Поскольку писатель уже не лелеял надежд на счастливое пребывание при французском дворе, в начале 1750 года он решил, что момент настал. Людовик XV легко дал свое согласие, и Вольтер отправился в путь.

10 июля 1750 года Вольтер прибыл в Берлин. Он был ослеплен. «Наконец-то я в этой некогда дикой местности, которая ныне столь же украшена искусствами, сколь возведена славой. Сто пятьдесят победоносных тысяч солдат, никаких прокуроров, опера, комедия, философия, поэзия, герой-философ и поэт, величие и изящество, гренадеры и музы, трубы и скрипки, ужины Платона, общество и свобода. Кто бы этому поверил?» – писал Вольтер д'Аржанталю 24 июля из Потсдама. Король наградил Вольтера орденом, пожаловал звание камергера, дал двадцать тысяч франков в год содержания.

Мы позволим себе дать выдержку из мемуаров Вольтера по этому поводу: «Король прусский, которому я часто говорил, что никогда не расстанусь для него с госпожой дю Шатле, во что бы то ни стало, хотел привлечь меня к себе, когда избавился от своей соперницы. Он наслаждался в то время морем, приобретенным путем побед, и досуги его были заняты сочинением стихов или писанием истории своей страны и своих походов. Он был не на шутку убежден, что его стихи и его проза, в сущности, несравненно лучше моих, но считал, что я в качестве академика могу придать некоторый лоск его сочинениям, и старался заманить меня к себе самыми

лестными обещаниями. Возможно ли противиться королю – победителю, поэту, музыканту, вдобавок делающему вид, что меня любит! Мне и самому показалось, что я его люблю, и вот, наконец, я снова направил свой путь к Потсдаму в июне 1750 года. Я был принят великолепно. Меня поместили в покои, в которых прежде жил маршал Саксонский, в моем распоряжении были королевские повара, когда я хотел обежать у себя, и королевские кучера, когда мне хотелось кататься, – все это было малейшей из оказываемых мне милостей. Ужины были весьма приятны. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что за ними говорили много остроумного: король был остроумен и вызывал остроумие. Самое удивительное при этом то, что я никогда не чувствовал себя более свободным за столом. Я работал каждый день два часа с его величеством; я исправлял все его работы, никогда не забывая усердно хвалить то, что в них было хорошего, в то время как вычеркивал то, что никуда не годилось. Я все поправки объяснял ему письменно, и эти письма составили ему руководство к риторике и поэтике для его личного употребления. Он воспользовался моими замечаниями, но его гениальный ум помогал ему гораздо более чем мои уроки. Придворный этикет меня не касался... Фридрих, заметив, что у меня начинает кружиться голова, удвоил опьяняющие напитки, чтоб очаровать меня окончательно. Последним соблазном было письмо, присланное им из своей комнаты в мою. Любовница не может выразиться с большей нежностью. Он старался в этом письме рассеять опасения, внушаемые мне его саном и его характером. Там стояли, между прочим, следующие слова: "Как могу я сделаться причиной несчастья человека, которого уважаю, люблю, который пожертвовал для меня родиной и всем, что есть у человека самого дорогого. Я почитаю Вас как наставника в красноречии. Я люблю Вас как добродетельного друга. Какого рабства, какого несчастья, какой перемены можете Вы опасаться

в стране, где вас уважают так же, как у Вас на родине, и в гостях у друга, одаренного благодарным сердцем? Я относился с уважением к дружбе, связывавшей Вас с госпожой дю Шатле; но после нее я был Вашим старейшим другом. Я обещаю Вам, что Вы будете счастливы здесь, пока я жив”, – вот письмо, которое немногие государи способны написать. Это был последний бокал, который меня опьянил окончательно. Словесные изъятия были еще более энергичны, чем письменные. У него была привычка странным образом выражать свою нежность к более молодым, чем я, фаворитам, и он, забывая на минуту, что я не был их возраста и что рука моя некрасива, взял ее, чтобы поцеловать. Я поцеловал тогда его руку и сделался его рабом».

Вполне естественно, особенно памятуя о нравах двух наших героев, что долго так продолжаться не могло. И Вольтер становился все более дерзким, и Фридрихово восхищение постепенно сходило на нет. Вольтеру было тесно за столом короля, и это было очевидно всем. Кроме прочих, образовалось несколько камней преткновения: Вольтер, которого подвела присущая ему жажда наживы, оказался замешанным в скандальное дело еврейского маклера Авраама Гиршеля, где он принимал участие в незаконных операциях с векселями саксонского казначейства. Вольтер, со своей стороны, был уязвлен дошедшей до его слуха цитатой из слов короля о коже, «которую выбрасывают, когда апельсин съеден», хотя это был всего лишь ответ короля на сетования Вольтера о «стирке грязного белья», то есть об исправлении философем литературных творений Фридриха. 18 декабря 1752 года Вольтер писал к мадам Дени: «Я ясно вижу, что апельсин выжат; нужно подумать о том, как спасти кожу».

Последней каплей явилась известная «полемика», центром которой со своими светлыми идеями стал президент Берлинской академии наук Пьер-Луи-Моро де Мопертюи. Она общеизвестна: Мопертюи обвинил математика Самуила

Кенига – вольтеровского приятеля – в том, что тот пристрастен в приверженности точки зрения Лейбница в частном вопросе теории движения, разработанном Мопертюи. Вольтер вступился и публично обвинил Мопертюи в самодурстве. Фридрих, в свою очередь, дабы поддержать авторитет президента собственной академии, напечатал анонимно обидную и для Кенига, и для Вольтера брошюру «Lettre d'un Académicien de Berlin à un Académicien de Paris» (Berlin, 1753.- 22 p.)

Поскольку Вольтер был не из тех, кто способен долго терпеть нападки, он подготовил ответ. Дело в том, что в 1752 году несколькими изданиями вышли «Письма» Мопертюи, в которых он предлагал современной науке множество «прогрессивных» идей: провертеть дыру к центру Земли; продлить жизнь человека, закупоривая поры тела; устроить город, где все говорили бы только на латыни; вскрывать черепа преступников и патагонских гигантов, чтобы изучить связь между душой и телом...

Вольтер, вспомнив Свифта и его ученых с Лапуты, жесточайшим образом высмеял Мопертюи в брошюре «Diatribes du Docteur Akakia, médecin du Pape, decret de l'Inquisition, et rapport des professeurs de Rome au sujet d'un prétendu président» (A Rome, 1753), которая была напечатана, конечно, не в Риме, а за границами Пруссии – в Лейдене. Мопертюи в этом сочинении выведен под именем господина Сен-Мало – деспота и самодура, умственные способности которого очень беспокоят врачей, но, несмотря на это, он выдает себя за президента некой академии.

Это сочинение Вольтера чрезвычайно уязвило Фридриха – и как короля, в стране которого незаконно появилась брошюра, порочащая честь его высших чиновников, и как покровителя Берлинской академии. Вольтер дал письменное обещание впредь не оскорблять королевских чиновников, но Фридрих не унимался: он распорядился публично сжечь разысканные и арестованные экземпляры этого памфлета, что

и было исполнено 24 декабря 1752 года на площади перед королевским дворцом, на глазах автора.

Вольтер испугался. Он перестал появляться за вечерним столом у короля, а 1 января 1753 года отправил все знаки монаршей милости – орден, камергерский ключ и рескрипт о денежном содержании – обратно к Фридриху. И хотя король не принял этого, отослав обратно, дружбе пришел конец. Сказавшись больным, Вольтер решил уехать на воды во французское местечко Пломбьер, на что получил от короля разрешение 26 марта 1753 года. Проехав через Лейпциг, Готу и Кассель, он прибыл во Франкфурт, где, казалось бы, уже разрешившаяся ситуация получила неожиданное продолжение.

Дело в том, что Вольтер, покидая Берлин, вместе с прочими книгами взял с собой поднесенные ему Фридрихом три тома «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» 1750 года издания, которые содержали массу, как бы мы сейчас выразились «запрещенных», стихов короля, где высмеивались многие европейские монархи; особенную опасность представляла собой первый том, где была помещена поэма «Палладион» (подробнее об этом издании см. в соответствующем разделе настоящей книги).

А все экземпляры первого тома, которые Фридрих дарил своим ближайшим друзьям, рано или поздно возвращались к нему – и Франческо Альгарроти, и Клод Этьенн Дарже, уезжая от двора Фридриха, возвратили ему экземпляры. Этого не сделал только Вольтер, по-видимому, желавший прибереечь «Палладион» в качестве козыря при появлении в Версале. Этого Фридрих допустить не мог.

В вольном городе Франкфурте, куда Вольтер приехал 31 мая, он был задержан агентами прусского короля прямо в гостиничных комнатах, где у него были изъяты пожалованный королем орден и камергерский ключ. Главного же – первого тома сочинений короля – не оказалось, поскольку багаж еще не подоспел из Лейпцига, и Вольтер был посажен

вместе с приехавшей ему навстречу племянницей под домашний арест. После приезда багажа книга была выдана королевскому уполномоченному, а сам Вольтер был освобожден только 7 июля. Этот инцидент окончательно расставил все точки над *i* в отношениях короля и философа, и с тех пор они если и вели переписку, возобновленную Фридрихом, то былые восторги и надежды ушли безвозвратно.

Литературные занятия Фридриха нисколько не отрывали его от эффективного управления Прусским государством. Распорядок дня у него был строг: король поднимался в пять часов утра (зимой – в шесть) и после утреннего туалета принимался за дела – занимался чтением писем и диктовал своему секретарю ответы. Примерно в одиннадцать король выезжал на смотр своего гвардейского полка, а затем начинал прием докладов. После обеда он давал назначенные аудиенции и только после этого предавался литературному труду. После этого, незадолго до ужина, устраивались небольшие концерты, в которых почти всегда принимал участие и сам Фридрих, прекрасно владевший игрой на флейте, а также на других музыкальных инструментах. Затем следовал ужин, который обычно заканчивался оживленными беседами короля и его ближайших друзей (об этих вечерних встречах мы писали выше).

В течение одиннадцати мирных лет король не только демонстрировал размеренность и четкость расписания, но и добился несомненных успехов в устройстве и развитии своего государства. По воле и под смотрением Фридриха была произведена масштабная судебная реформа, одним из главных достижений которой было уравнение всех сословий королевства в правах перед судом, а также создание судов, которые были независимы от местных властей. Также был окончен новый свод законов, получивший название “Corpus

juris Fridericianum”, что опять же выдает вкус Фридриха, пожелавшего здесь быть наследником Юстиниана.

Король внес значительный вклад и в экономику королевства: по его распоряжению были осушены одерские болота, в постоянно затопляемых приморских землях Остфрисландии были выстроены плотины, а между многими судоходными реками были прорыты каналы. Таким образом король добился очень многого: в результате осушения болот были получены новые пахотные земли, плотины позволили не тратить огромные средства на восстановление строений и земель после наводнений, а каналы упростили систему речной транспортировки грузов, благодаря чему прусские товары стали значительно дешевле. Король довольно часто выезжал из резиденций по своим провинциям и лично следил за работами. Также королевским распоряжением были основаны две крупные торговые компании – бенгальская и азиатская.

Кроме того, король активно занимался строительством: в 1740-х—начале 1750-х годов в Берлине и окрестностях появляется несколько значительных архитектурных творений, в числе которых стоит назвать кафедральный собор в Берлине, призванный по идее Фридриха быть пантеоном прусских монархов; Оперный театр в Берлине; королевский дворец в Потсдаме; и, конечно же, дворцовый комплекс Сан-Суси. И хотя интерьеры этих строений еще являют собой образцы рококо, их фасады, которые изящны и одновременно просты, пытаются донести до нас дух зарождающегося классицизма. Архитектором большинства этих грандиозных построек был близкий друг короля Георг Венцеслаус фон Кнобельсдорф, который был выучен на средства Фридриха, когда тот еще был кронпринцем, а в 1740 году назначен Фридрихом-королем на должность верховного интенданта прусских королевских дворцов и парков.

По примеру многих европейских монархов той эпохи король занялся составлением картинной галереи. Поскольку

Фридрих, как мы уже говорили выше, был экономен, то он не мог себе позволить подобно Екатерине Великой скупать целые коллекции, притом отдавая значительные суммы посредникам. Фридрих в 1755 году сам (!) инкогнито даже совершил поездку в Голландию, чтобы пополнить свою галерею полотнами достойных художников.

Так бы, очевидно, и возрастала роль Пруссии в европейском устройстве, если бы не желание императрицы окрещенной Священной Римской империи Марии-Терезии вернуть «похищенную» Фридрихом Силезию. Случай представился: масштабный конфликт Франции и Англии окончательно перечеркнул все перспективы мирной европейской жизни, в результате чего в 1756 году в Европе началась знаменитая Семилетняя война (1756-1763).

Прусское королевство участвовало в Семилетней войне, выступая в составе коалиции, включавшей также Великобританию, Ганновер и некоторые германские княжества – Гессен-Кассель, Брауншвейг, Шаумбург-Липпе и Саксен-Готу, зависимые от английских субсидий. С другой стороны – Австрия, Франция, Россия, Швеция, Саксония и большинство германских государств, входивших в состав Священной Римской империи и вступивших в войну по решению имперского сейма в Регенсбурге 6 (17) января 1757 года.

Фридрих II, находившийся в зените своей силы, вступил в войну с осознанием безусловного превосходства. Он ставил своей целью захватить Саксонию, а также поставить Польшу в вассальную зависимость от Пруссии; Австрия же хотела вернуть захваченную Фридрихом Силезию, Франция – захватить Ганновер, а Швеция, вступившая в войну позднее, рассчитывала присоединить к себе прусскую Померанию. Россия стремилась остановить прусское продвижение на Восток и одновременно расширить свои владения, но при этом Россия оговорила свое неучастие в войне против Великобритании.

Пруссия к 1756 году имела в казне 16 миллионов талеров; ее 150-тысячная армия была прекрасно подготовлена, кроме того, ее северогерманские союзники выставили еще 47 тысяч человек. Антипрусская коалиция располагала вдвое большими силами, но пока не была готова к войне, сформировавшись для боеспособных действий только к началу 1757 года. Воспользовавшись этим замешательством, Фридрих с 95-тысячной армией 17(28) августа 1756 года вторгся в Саксонию. Первоначально Фридрих, пользуясь несогласованностью сил противника, без особых трудностей добывал победы, но вскоре тучи над ним стали сгущаться: в 1757 году в войну вступили союзники Австрии. Несмотря на успехи прусских войск, силы союзников сильно превосходили силы Фридриха, так что это превосходство, наконец, стало все ощутимее. Самым сокрушительным ударом для прусской армии было Кунерсдорфское сражение 1 (12) августа 1759 года, после которого только по несговорчивости союзных сил не был занят Берлин, что дало возможность королю продолжить войну. Король потерял около 19 тысяч человек убитыми, а значительная часть его армии просто разбежалась. Фридрих, с присущей ему эмоциональностью, даже хотел отречься от престола и передать верховное командование, но сумел взять себя в руки. Тем более что, собрав оставшиеся части войск, он смог довести численность своей армии примерно до 70 тысяч человек.

В 1760 году Фридрих едва смог набрать армию в 100-120 тысяч человек против 220 тысяч в русских, австрийских и имперских войсках. Однако несогласованность в действиях союзников опять помогла королю маневрировать и избегать крупных сражений. Тем более что Фридрих, потеряв при Кунерсдорфе значительную часть армии, с тех пор избегал крупных сражений, даже при очевидной выгодности положения. Только вынужденными можно назвать сражения этого

года при Лигнице и затем при Торгау, когда прусские войска одержали победу.

В 1761 году Испания выступила на стороне Франции, а на сторону Великобритании встала Португалия. Положение Фридриха было очень сложным: он берег остатки своей армии, избегал сражений и терял одну за другой свои крепости – Глац, Швейдниц, Кольберг. Так бы, наверное, и пришлось Фридриху употребить постоянно носимый им при себе пузырек с сильнодействующим ядом, если бы не смерть 5 января 1762 года императрицы Елисаветы Петровны, после чего сторонник Фридриха император Петр III освободил все занятые прусские территории и подписал союзный договор с Пруссией (свергнувшая его Екатерина II расторгла договор, но войны не возобновила). Так выход России из войны, – по сути, переход на прусскую сторону, – фактически спас Пруссию.

Таким образом, захват Саксонии, ради которого Фридрих начал войну, был невозможен ни при каких обстоятельствах. И Фридрих уже пытался хотя бы добиться для прусских границ довоенного положения, для чего не требовалось бы пускать в ход армию. Закончилась война подписанием 4 (15) февраля 1763 года Губертусбургского мирного договора, по которому за Пруссией закреплялось владение Силезией и графством Глац.

Мы умышленно не описываем подробно события этой войны, поскольку им посвящена не одна сотня томов. Но несомненно, что насколько эта война была драматичной для Фридриха, настолько были велики лавры, доставшиеся ему. И уже никто не смел опровергнуть приставку «Великий».

Представляется, что король жалел о своем участии в этой войне. Хотя она принесла ему славу, она же практически уничтожила плоды всех его трудов – Пруссия после этих семи лет оказалась в ужасном экономическом положении и

более напоминала пустыню, нежели былую цветущую европейскую страну.

Конечно, это состояние королевства крайне досаждало Фридриху. Король пытался доказать всей Европе, что Пруссия не лежит в руинах, а ее хозяйство уже начинает вновь расцветать. Для его восстановления после заключения мира из армии были распущены все крестьяне, города начали отстраиваться заново. С особенно пострадавших от войны областей были сложены подати: с Силезии на полгода, а с Померании – на два. Казна взяла на себя значительную часть расходов на восстановление разрушенных мануфактур и цехов. Чтобы как-то сводить концы с концами, король ввел большие пошлины на ввоз из-за границы предметов роскоши, а также передал казне право производства и торговли табаком и кофе. Также значительные средства и силы уходили на восстановление и поддержание боеспособности прусской армии. А в качестве неоспоримого доказательства возрождения Пруссии Фридрих распорядился начать сооружение в Сан-Суси Большого дворца.

Что касается внешней политики, то, конечно, никакое предприятие короля не могло сравниться с Семилетней войной, да и сам король сильно обжестился на войне с несколькими союзниками. А поскольку Фридрих по-прежнему имел жгучее желание прирастить свое королевство дополнительными землями, он предпочитал иметь теперь дело с единственным врагом. Именно Фридрих Великий инспирировал т.н. первый раздел Польши, при котором Пруссия получила устье Вислы, а также польские земли, которые, наконец, помогли королю избавиться от чреполюсности земель на востоке.

Последней кампанией Фридриха Великого была война с Австрией за Баварское наследство. В 1778 году король вступил в Богемию из Силезии, а армия его брата принца Генриха из Лузании. Но австрийцы заставили пруссаков остановиться, заняв позиции за Изером и верхним течением Эльбы.

Силы обеих сторон были приблизительно равны, поэтому противники обоюдно не были готовы вступить в решительное сражение. Так и простояли обе армии около трех месяцев, после чего прусские войска отошли обратно за пограничные Богемские горы, а кампания эта была названа «картофельной войной», поскольку вся она складывалась вокруг полей этого впервые посаженного иноземного корнеплода.

Таким образом, эта последняя кампания Фридриха, уже состоявшегося и уже великого полководца, оказалась самой неудовлетворительной из всех его войн: неспособность учета рельефа местности, явные ошибки в организации тыла, а главное – отсутствие всякой инициативы. Фридрих, привыкший всегда делать первый шаг, топтался на месте. И быть может то, что генерального сражения дано не было, спасло его армию от поражения, поскольку здесь перед нами предстает уже угасающий Фридрих, лишенный былой энергичности и быстроты решений.

Но, не сумев победить на поле сражения, Фридрих победил в дипломатической битве, добившись для себя выгоднейших условий мира. Его дипломатические способности, хитрость, прозорливость, а также талант интригана сделали подписанный в мае 1779 года Тешенский мир по сути победным для Пруссии.

Что касается внутренних дел, то Фридрих продолжал деятельно управлять своим королевством. И хотя он не привык слушать чьи-либо советы, он и без этого прекрасно был осведомлен о жизни своих подданных, да и сам до последних дней объезжал Пруссию со ставшими легендарными «инспекционными поездками». Король постоянно получал отчеты об умерших и о родившихся, о строительствах и посевах. Он постоянно следил за тем, какое количество товара продано за границу, какая провинция в чем имеет нужду и в чем преуспевает, даже отдельные мануфактуры подавали отчеты ко двору. Возможно, это многих не устраивало, но популяр-

ности у короля это также не отнимало. Удивительно, но в Пруссии не прижилась тайная полиция, а цензура, по сути, запрещала лишь три деяния: хулу против Бога, против таинств церкви и против чести народа.

Расписание короля было все таким же убогим, и Фридрих постоянно был чем-то занят: по-прежнему много читал, продолжал писать, но уже чаще прозой, не отступал от своей привязанности к музыке. Многие друзья короля уже почил, другие оставили его, за исключением Джорджа Кейта и генерала Фуке. Поскольку король с королевой всегда жили врозь, то Фридрих под конец жизни остался практически один. И хотя в 1783 году торжественно была отпразднована его золотая свадьба, он едва мог терпеть свою королеву.

В последние годы король, который быстро уставал, часами просиживал, слушая своих чтецов (он всегда любил, когда ему читали вслух), занимался придворной библиотекой и все вновь и вновь возвращался к французским классикам. Его мучила бессонница, а также обострившиеся болезни.

Поскольку бессонница усиливалась, секретарь приходил к королю с докладом уже не в семь часов утра, а в четыре. 15 августа 1786 года королю стало значительно лучше, но это было последнее прозрение. Ночью 17 августа король ненадолго пришел в себя и навсегда закрыл глаза.

Фридрих еще при жизни построил в Сан-Суси усыпальницу, в которой завещал положить свое тело, но взшедший на трон его племянник Фридрих Вильгельм приказал похоронить короля в гарнизонной церкви в Потсдаме. Воля Фридриха была исполнена только в 1991 году, и тело его было перенесено в Сан-Суси.

Если кратко охарактеризовать личность Фридриха, то наиболее явственно он проявился как полководец, поскольку были очевидны и объективные изначальные условия, и результат. Путь Фридриха-полководца не был прост и изоби-

ловал превратностями судьбы; король провел пятнадцать крупных сражений, в двенадцати из которых одержал победу, и смог оправиться после трех поражений. Не имея над собой высшего авторитета, он полагался только на собственные силы и превосходную смелость, подкрепленную блестящей военной стратегией. И, конечно, его образ как полководца запечатлен, прежде всего, теми кампаниями, когда он боролся против подавляющего численного превосходства войск неприятеля. Его отвага поражала неприятеля – стоит вспомнить хотя бы попытку взятия в плен в Праге всей австрийской армии; и в результате и блестящие победы, и достойные поражения имели не только чисто военное, даже иногда не столько военное значение, сколько моральное. И это моральное преимущество Фридриха, внушенное им неприятельским полководцам, многократно помогало ему. Даже в очевидных благоприятных ситуациях они не решались нанести Фридриху удар, поскольку они не могли предсказать действий короля и ждали от него решительно всего!

Характеристика Фридриха-полководца обнажает и характер короля вообще. И хотя настоящее издание, которое более описывает его как писателя и рисует его нам иногда тщеславным, иногда капризным, иногда завистливым, не стоит забывать о твердом внутреннем стержне короля. Именно благодаря своему непреклонному характеру он сорок пять лет успешно правил прусским королевством, именно благодаря ему он стал великим полководцем, выдающимся писателем и одним из самых великих монархов Нового времени.